

и фашист. «Русский вопрос», действительно, нередко эксплуатируется в политических целях, но это не может служить основанием для того, чтобы держать русский народ в идеологической резервации. А знакомство с общественно-политической, философской, исторической литературой России XIX в. показывает, что «русская национальная идея» изначально была чужда этноцентризму, пренебрежению к другим народам. Она и сегодня не может не быть интернациональной, поскольку русскому народу, хочет он того или нет, придется и впредь быть основой многонационального российского государства.

© 1994 г., ЭО, № 3

В. И. Л а м а н с к и й

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОСАХ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РОССИИ*

Задача этнографии и этнологии состоит в изучении и определении места, и характера и значения каждой расы, каждого племени, каждой народности во всем их местном разнообразии, как в прошлом, так и в настоящем. В этом отношении *н а р о д о в е д е н и е* (этнография и этнология) имеет великое значение и в смысле просветительном, христианско-человеческом, и в смысле государственном. Так не несчастье и не бедствие, а великое благо и богатство наше заключается в этом изобилии разных инородцев, рассеянных по России и внутри и на окраинах. Чем численнее известный исторический народ, — т. е. национальность, создавшая прочное и независимое государство и свою оригинальную литературу — и чем более этот народ в пределах своей государственной территории имеет инородческих элементов, чем они разнообразнее и разнороднее между собою, тем оно благоприятнее и плодотворнее для гражданственности и образованности этой национальности. При таком выгодном процентном отношении главного национального элемента (славянского, и в нем общерусского, а в последнем великорусского) ко всем прочим инородческим, неславянским, а часто и нехристианским, вообще самым разнородным элементам, какое имеется в России, нет и не может быть никаких опасений за упадок преобладающего значения русского языка в России: чем более будут просвещаться и развиваться наши разнообразные инородцы, тем более, при всем ревнивом охранении своей народности, они будут нуждаться в русском языке, в русской книге и принимать деятельное участие в общей русской государственной и культурной жизни. Это участие их тем будет плодотворнее, чем оно будет свободнее и охотнее, чем более главный русский национальный элемент будет доставлять убедительных и наглядных доказательств своего безбоязненного, вполне искреннего и дружелюбно-расположения ко всем этим разнообразным инородческим элементам.

И с точки зрения историко-этнографической и с точки зрения государственного права сильно ошибаются, когда уподобляют, в вопросе народностей, Россию, на примере Австро-Венгрии. Там не один, а два главных руководящих национальных элемента: немецкий и мадьярский, да и процентное и политическое и культурное отношение немецкого элемента в Цислейтании к элементам славянским и итальянскому (в Тироле) и мадьярского в Транслейтании к элементам славянским и румынскому неизбежно наконец должно привести к значительному ослаблению Немцев в Цислейтании и Мадьяр в Транслейтании в пользу Славян и Итальянцев в одной и Славян и Румын в другой.

* Статья перепечатана из журн. «Живая старина» 1894, В. I.

При справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России, никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50—100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России, так что если не к концу первого, то несомненно к концу второго полувека он станет мало-помалу общим органом разума во взаимных сношениях различных Австро-Венгерских народностей между собой, так как Мадьяры в Транслейтании, а Немцы в Цислейтании будут несравненно легче овладеть в совершенстве одним, чем двумя, тремя славянскими языками (чешским, польским, сербохорватским). К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200, 300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода сношений западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими. Между тем, соображая прошлое и настоящее, можно с уверенностью утверждать, что 1) Немцы в Цислейтании и Мадьяры в Транслейтании не в силах уже надолго удержать свое нынешнее преобладание над Славянами и Итальянцами в одной и над Славянами и Румынами в другой части Австро-Венгрии; 2) ни один из славянских языков, ни болгарский, ни сербохорватский, ни словенский, ни польский, ни чешский, ни словацкий, т. е. словацкий, ни серболужицкий, словом ни один славянский, за исключением русского, ни в ближайшем настоящем, ни в далеком будущем не может достичь значения языка общеславянского и 3) знанию русского языка предстоит еще самое широкое распространение в Европе, в Азии, в Америке, между Германцами, Романцами и Славянами, а затем и в остальном мире.

Несходство, в этом отношении, России с Австро-Венгрией раскрывается еще в том, что немецкая государственная стихия в Австрии оказалась уже совершенно бессильною относительно так называемого исторического государственного права Мадьяр и уже обнаруживает большие колебания по отношению такого же исторического права Чехии и Поляков; наконец с разрешением так или иначе боснийско-герцеговинского вопроса (вечно в нынешнем положении он оставаться не может) немецкая государственная стихия Австрии станет лицом к лицу с вопросом о присоединении Далмации¹ к Хорватии и Словении и вообще с очень мудреным вопросом сербохорватским. После долгого сопротивления, немецко-австрийский элемент как будто вынужден согласиться на введение славянского богослужения (с глаголическими книгами) в Загребском диоцезе. Это уже будет большой удар для распространения немецкой католической культуры на славянском юге, хотя это введение в значительной степени и направлено против сербов православных, но оно ожидаемого успеха теперь уже иметь не может,— окатоличить Риму и Австрии Сербов уже не удастся,— у Славян же католиков со славянским богослужением, где позже, где раньше непременно поднимутся вопросы об уничтожении обязательного celibата белого духовенства, о введении чаши для мирян в св. таинстве причащения, о наибольшей независимости местного епископата от Рима и т. д.

Совсем в иных отношениях стоит в России главный русский элемент к разным историческим притязаниям своих инородцев: балтийских Немцев, привислинских Поляков (с их идеею восстановления старой Речи Посполитой от моря до моря, с Литвой и Малой и Белой Русью), Армян, казанских, астраханских и сибирских Татар с их воспоминаниями о прежних царствах... Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, без внимания, имеет ли она свои привилегированные сословия, свою развитую старую культуру, или не имеет, главный русский элемент может и должен спокойно признавать права родных языков в их богослужениях и религиозных поучениях, в народной школе (чем культурнее народ и край, тем легче можно вводить и обязательное обучение русской грамоте и языку, а не преподавание в народной школе на русском языке), само собой, в семье, в общественных собраниях, в театрах и в литературе. За исключением же Финляндии, где преобладает почти однородное население, во всех других краях России, где по смешанности населения, напр. в Польском крае, с его множеством Евреев, Немцев, Литовцев и Русских, или в юго-восточных

краях Империи, где сверх смеси наречий, и самые языки недостаточно культурны, все средние и высшие училища казенные или хотя бы частные, но с государственными правами, могут быть только или вполне или преимущественно русскими². Вообще же в России, не как в Австро-Венгрии, а как в Германии, во Франции, в Англии, в северных Соединенных Штатах, есть и может быть только один язык государственный, национальный. В России есть различные народности с различными народными языками, а иногда и с областными автономными правами, но строго говоря одна только политическая национальность и один лишь национальный язык. И эта национальность и этот национальный язык — единственная славянская национальность и единственный в мире славянский язык с правами на значение не только общеславянского, но и мирового языка.

Таким образом невозможное в Австро-Венгрии примирение христианских, гуманных начал благоволения и уважения ко всем народным разновидностям с интересами государственного единства вполне возможно и легко может быть применено в России. Полное осуществление этого идеального, чистохристианского требования в высшей степени желательно для России и может быть для нее только плодотворно в отношениях государственном и культурном³. Неизбежно ведя искусственный австро-венгерский конгломерат к естественному разложению и распадению, оно будет только теснее связывать и крепче сплачивать разнородные части и дальние окраины России с ее главным русским ядром или телом.

Мы не смеем сомневаться, что приведенное выше требование начала истинного благоволения и справедливости ко всем без различия инородческим элементам в более или менее близком будущем станет у нас в России общесознанной необходимостью. Всякое дружное стремление к новому частному применению высоких христианских начал и идеи правды возвышает характеры, поднимает общественный дух и строй, а возвышение и усиление общественной нравственности, всякое торжество христианских начал в жизни общественной и государственной только служат к укреплению здорового государственного порядка. Не пренебрежению ли и не нарушению ли этих начал обязано появление и развитие анархизма с его бомбами в современной Европе?

Решительное отрицание восстановления исторической Польши (такое отрицание тем естественнее и обязательнее для нас, что историческая Польша есть отрицание единства русского народа, — к тому же это восстановление совершенно неисполнимо, невозможно) и полное признание с нашей стороны графической Польши, как одной из славянских разновидностей, рано или поздно примирит с Россией огромное большинство всех Поляков русских, прусских и австрийских. Только в связи с единственным великим славянским государством может обеспеченно жить и мирно развиваться польская народность. Без промышленности ей нет будущего, а польская промышленность никогда не достигнет широкого развития ни в Пруссии, ни в Австро-Венгрии. Только в России и с Россией может преуспевать промышленность польская и завоевывать себе новые рынки в России и в соседних странах Азии.

Русскому народоведению по изучению всех русских инородцев предстоит огромное поприще и громадное будущее: антропология, лингвистика, филология, история в самом широком объеме — этнологическая (или историческая этнология), церковная, политическая, история права, искусств, литературы и пр. и пр., — художества изобразительные, музыка, поэзия приобретут громадный запас новых данных, новые кругозоры, методы и приемы, несказанно таким образом обогатят русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность. Но для успехов русского народоведения необходимо нам в себе воспитать любовное внимание и уважение ко всем инородцам без различия, как бы иные из них ни стояли низко на ступенях культурного развития. Нужно, чтобы у всех у них была своя грамотность, свое духовенство, свои народные учителя, отлично знающие их языки. И никогда не надо забывать, что одни собственно

русские ученые, без помощи и предварительных работ местных уроженцев, природных знатоков и наблюдателей, в этом отношении немного могут сделать. Только когда завяжутся и укрепятся искренние дружественные сношения великих и малых центров русской образованности с самыми глухими углами, захолустьями и окраинами русского инородческого мира, когда там на приезжего русского будут смотреть не как на носителя часто непонятных приказаний или сборщика всяких правых и неправых податей и даней, но как на благожелательного согражданина и друга, можно и должно ожидать крупных успехов русского народоведения по части изучения русских инородцев, а с тем вместе и столь желательного внешнего и внутреннего их развития, распространения между самими отсталыми из них грамотности и образования и появления из их среды даровитых общественных и государственных деятелей, вполне преданных русскому отечеству.

Есть одно обстоятельство, на которое нельзя перестать указывать, когда идет речь об инородческом вопросе в России и тесно всегда с ним связанном русском просвещении. Есть одна у нас великая преграда развитию русской науки, образованности и достижению того места и значения, какое русскому языку подобает, по историческому и мировому положению русского государства и по дарованиям русского народа. Пока одно из наших крупных государственных ученых учреждений будет с достойным сожаления упорством продолжать печатать труды своих членов и посторонних ученых на немецком языке, до тех пор каждый русский инородец вправе говорить русским и всякий немец и мадьяр австрийским славянам: «оставьте, господа, ваши толки о русском языке и народе, как о величинах исторических, мировых. Русские сами у себя дома не признают за русским языком права и возможности служить органом высшего знания. Первое их официальное ученое учреждение считает невозможным обходиться без немецкого языка при издании своих бюллетеней и мемуаров. Таким образом и в славянской России славянский т. е. русский элемент пригнетается, подчинен немецкому, одному из инородческих элементов в России, уже лет сто слишком облюбованному, вследствие известных исторических обстоятельств, Петербургом, хотя этого петербургского пристрастия, вполне впрочем понимая его причины, Россия никогда не разделяла и разделять не может. Не смешно ли, говорят Остзейские немцы, вы выводите немецкий язык из Дерптского университета, Дерпт переименовываете в Юрьев, а сама ваша Академия Наук, высшее центральное ученое учреждение, по большинству членов уже русская, продолжает строго держаться немецкого языка в своих изданиях».

Со всеми этими возражениями нельзя не согласиться. Если в самом деле так нужны немецкие академические издания, то почему бы не обратиться и все наши университеты в немецкие и все наши ученые общества не заставить печатать свои труды по-немецки?

Мы знаем, что даже некоторые академики из русских настаивают на необходимости издания на казенный счет своих трудов по-немецки, иначе, мол, делаемые русскими учеными о т к р ы т и я остаются Европе неизвестными.

Это слово о т к р ы т и е слишком громкое слово. Истинные открытия делаются редко да и не всегда академиками и через академии, разумеется и не одну нашу, а все в мире. Довольно если употребим тут слово н а х о д к а или н о в о е н а б л ю д е н и е. Особенного несчастья для науки, человечества произойти не может, если напечатанное в русском издании какое-нибудь ботаническое исследование станет известным за границей несколькими неделями или месяцами позже. Во многих науках и даже вероятно во всех бывало, бывает и будет еще не раз, что иное замечательное исследование, напечатанное на любом из самых распространенных языков, по годам оставляется без внимания, проходит незамеченным. И такие случаи часто повторяются с трудами оригинальными особенно не успевших еще приобрести себе громкой репутации молодых ученых или ученых и не молодых, но не привыкших прибегать ни к каким рекламам. Наши академики имеют

уже и то преимущество перед остальными русскими учеными, что у них всегда в распоряжении казенная типография и бумага. Остальным немало приходится хлопотать о средствах и о месте напечатания своих работ. Теперь благодаря Бога не только с каждым десятилетием, но можно сказать с каждым пятилетием прибывает у нас число способных работников по всем отраслям знания. Почему же их исследования всегда менее заслуживают внимания, чем труды академиков или тех, кого они академии представляют? И отчего государство должно отпускать суммы на переводы с русского на иностранные языки для одних ученых, а для других нет? В Европе не немногие русские ученые и писатели пользуются известностью, часто очень широкою, а между тем ни они сами, ни государство шагу не делали о переводе их на языки иностранцев: Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского иностранцам понимать гораздо труднее, чем труды русских географов, математиков, натуралистов и пр. и пр. Однако в Европе на разных языках выходят переводы наших поэтов, романистов и целиком или в извлечениях исследований разных русских ученых без всякого посредства, рекомендации или покровительства нашей Академии. Число образованных и ученых людей в Европе со знанием русского языка не так уже мало, чтобы в специальных европейских журналах не могли являться, да и являются сообщения о русских книгах или статьях. На западе пребывает постоянно значительное количество русских подданных, настоящих или бывших, из природных русских, евреев, немцев, поляков, людей образованных и специалистов, живущих литературным трудом. Наконец состоящие же при Академии или нанимаемые в Петербурге нашими академиками переводчики могли бы получать такие же заказы из Европы для передачи ей в с е х о т к р ы т ы й наших академиков и вообще сотрудников академических бюллетеней и мемуаров. Пусть даже Академия, если уж так нужно, дает на руки академиков или излюбленных ею ученых средства на переводы и на издание их трудов на немецком языке, но пусть такие издания носят частный характер. Русскому государственному ученому учреждению просто не прилично печатать официальные свои издания на языке немецком, ибо тем унижается честь и достоинство русского языка и народа. Теперь ясно это уже не немногим, а вскоре будет понятно и массам. России от того пользы мало, что Академия состоит из русских членов. Нужно, чтобы она непосредственно поднимала и достойно представляла высшее русское знание. Наука — великая сила, и русское государство может и должно тратить на нее большие деньги на честь и славу, на обогащение и возвеличивание русской литературы, русского языка, а не языка немецкого. По историческим судьбам немецкий язык есть язык: — 1) великого соседнего нам высококультурного пятидесятиmillionного народа, несравненно более нас богатого, имеющего свою империю, свои государства, которые давно заботятся о процветании родной литературы и науки, 2) великой соседней нам военной державы, главы Тройственного Союза, 3) родной язык одной из наших инородческих стихий, наиболее нуждающихся в вольном и невольном признании за русским языком значения культурного и государственного, 4) язык старых притеснителей и угнетателей значительной части соплеменного нам Славянства, где русский язык призван постепенно расшатывать и вытеснять господство и преобладание языка немецкого. Немецкие же издания на русские деньги служат важнейшим препятствием такому желанному для России распространению русского языка среди родственных ей Славян, наносят тяжкие раны русскому самосознанию, стесняют его развитие, роняют нравственный авторитет русского языка и народа перед нашими инородцами, западными славянами, мадьярами, немцами и пр., наконец питают и поддерживают в России, к несчастью, слишком у нас и без того закоренелое, предубеждение и неуважение к русской мысли и литературе во всем ее широком значении.

Примечания

¹ Когда же Далмация соединится с Хорватией, то во флоте австрийском уже нельзя будет удержать языка немецкого.

² Как я уже однажды писал, в средних польских училищах и в Варшавском университете следует допустить или ввести необязательное преподавание некоторых предметов, сверх закона Божьего, на польском языке, напр. польского языка, литературы, истории Польши. Желательно, наконец, в интересах справедливости, — следовательно строго государственных, — и в интересах просвещения — образование польской археографической комиссии в Варшаве для издания источников и памятников польской истории, языка, литературы, церкви, искусства, права.

³ Для того, конечно, надо подумать не об одних русских губерниях с многочисленным дворянством, но и о совершенно запущенном нашем европейском севере: губерниях Олонецкой, Вологодской, Архангельской, целых уездах Новгородской, столь бедных хорошими путями сообщений, медицинской помощью, духовенством и всякими образовательными средствами — какая скудость народных и средних школ и ни одного высшего, хотя бы какого-нибудь специально-технического, морского, коммерческого — для такого даровитого населения.